

хронологии формирования частиц в этих языках, поскольку этимологии частиц по большинству финно-угорских языков специально не изучались (отдельные неполные сведения о них разбросаны по специальной литературе). Однако автор работы кропотливо собирала материал и ей удалось достичь заметного успеха на пути к решению данной проблемы. К. Е. Майтинская не сомневается, что формирование частиц началось раньше, чем других служебных слов, поскольку отдельные частицы употреблялись, по ее мнению, уже в финно-угорском праязыке. Но в работе же правильно отмечается, что к указанному периоду с полнотой уверенностью можно отнести всего три частицы.

Нельзя забывать, что служебные слова составляют заметную часть лексики финно-угорских языков, имея по встречаемости большое преимущество перед знаменательными частями речи. На таком фоне особо бросается в глаза отсутствие их систематического цельного анализа, что повышает значимость рассматриваемого исследования К. Е. Майтинской. Эта работа представляет большой интерес для широкого круга лингвистов как в теоретическом плане, так и в связи с возможностью легко обнаружить в ней необходимые, часто редкие и труднодоступные данные по служебным словам финно-угорских языков. В свою очередь этому способствует наличие в конце книги указателя приведенных в ней служебных слов.

АГО КЮННАП (Тарту)

<https://doi.org/10.3176/lu.1985.3.09>

Ф. И. Гордеев, *Этимологический словарь марийского языка. Том 1, А-Б, Йошкар-Ола, Марийское книжное издательство, 1979. 255 с. Том 2, В-Д, 1983. 287 с.*

Составление этимологического словаря — большая и трудоемкая работа. По марийскому языку над таким словарем трудится Ф. И. Гордеев. С разницей в четыре года изданы первые два тома «Этимологического словаря марийского языка» (от А до Д). Признавая все значение и важность данного предприятия, рецензент считает необходимым изложить здесь ряд замечаний по материалу первых двух томов, которые автор сможет учесть в своей дальнейшей работе.

Первый том словаря (далее — ЭСМЯ I) содержит много слов, не относящихся к марийской лексике. Ведь отдельные группы двуязычного марийского населения находятся на пути к вторичному монолингвизму и, если учитывать все слова их смешанной марийско-татарской или марийско-русской речи, объем словаря чрезмерно разрастается. Рецензент считает, что таких слов в ЭСМЯ I около 300: *авыга, абау, абыстай, авляки, аврät, аят, аяу, ба-а-а, бабыкай, багор, бамовец, бändä, бандитлык, бäräгäй, барахолка, берйоло, беркут, бездетный, беспокойный, бессмертный* и т. д. Встречаются и в ЭСМЯ II лишние слова: *вечевой, вечерня, вещьевой, вовсю, вырчалочка, выхухоль, гäйдä,*

гладь, годовой, двор, двустволка, деревянный, дубинка и т. д. вряд ли можно отнести к марийской лексике. В то же время в I и II тома не вошли достаточно важные для истории марийского языка слова: *авалгодсо* 'древний', *äви* 'теща', *азал* 'мучительно, канительно', *авыре: авыре гыц кеаш* 'выбиться из сил', *айынаш* 'гнуться и т. д.', *айыпан* 'неполноценный', *акавел(ем)* 'жена старшего брата мужа', *äки* 'старшая сестра', *аптырташ* 'вызывать некоторую боязнь, стеснение', *äптыртäш* 'мешать, стеснять', *акретгодсо* 'стародавний', *арва* 'серый, темно-серый со светлыми пятнами', *ареш пураш* 'заступаться', *аргараш* 'добавлять, прибавлять; преувеличивать', *аптрал* 'затруднительное положение', *авас* 'горазд(ый) на что-л.', *äпшä* 'простофиля', *атнирнат* (о звуке гармонии), *бäбäй* 'дитя', *бäбäйтäк, вавайтак* 'дополнительный узкий подол женского платья восточных мариек', *баринь* 'праздный человек, сибарит', *бокаре ~ покор* 'бухарский, среднеазиатский', *буйор* 'позор, посрамление; постыдный', *вавай* 'бабушка', *вакырнаш* 'тужиться', *велтык* (= *kijеш*), *викок* 'не отклоняясь', *войзаш* 'приходиться, быть должным', *вра, выра* 'да, так (частица утверждения)', *вуймара* 'марец из с. Бима',

Вуймо, Вуйстык Йыл, гана 'таблица умножения', *гоч* 'переправа; брод', *гүр-гүр!* — возглас, которым загоняют домашнюю птицу в птичник, *дүнъжьб шояк* 'прожженный плут' и т. д. Не даны восточные варианты *вӱки* 'мельница' (д. Ст. Черкас, Гришкино), *вӱльб* (= *выле, виле*), *вуйым кыраш* (= *вуйшиаш*), а также горные *арангыж* 'женях', *ӱки*.

Увеличивает объем словаря и включение в него ономастики. При этом автор неправоммерно в качестве заглавного слова использует официальный, т. е. немарийский вариант топонима, например: *Абдаево, Азаново, Акашево, Акылга, Аккубяково, Акленки, Бабе болото, Багышково, Балдырка, Басурманово, Бахтиарово, Белавка, Богоявление, Болотная* и т. д. Почему-то приводятся и фамилии русских (*Альбинский, Брыляков*), а некоторые фамилии даны в форме женского рода: *Атлашкина, Баландаева, Булавина*. Не нужно было в отдельную статью выделять искаженные слова *абаг* (*ава*), *айновонер, алашаг* (*алаша*), *белобардий* (рус. *белая гвардия*), *браунивейский, буги-буги* и т. д.

Только у небольшой части слов представлено ударение, причем иногда неверно: *авансироватлаш, автоматизирӱаш, автономизироватлаш* (в речи всегда *-ӱро-, -ӱру-*). Объяснения слов подчас могли быть лаконичнее: вместо «заимств. из русск. яз.», «заимств. из тат. яз.» целесообразно ограничиться пометами рус., тат.. Автор дает ссылки на источник, когда этимология слова уже надежно установлена (см. *абрикос, аббревиатура, автобус, анекдот, апельсин, бутерброд, бутон, буфет* и т. д.), в остальных же случаях марийские и другие лингвисты упоминаются в основном, если их этимологии критикуются.

Не совсем приемлемо использовать в качестве заглавного слова малоизвестную фонетическую форму (напр., в ЭСМЯ II *вӱлӱнде* вместо *мӱлӱнды* или *мланде*). Для заглавного слова целесообразно брать или наиболее распространенный, или наиболее близкий к праформе вариант.

Необходим более критический подход к отсылкам. Например, не нужно отсылать *винамат, винитлаш, виноват* к слову *вина*, все три слова заимствованы марийским языком вне зависимости от рус. *вина*.

Излишне включение в словарь частей

композит как отсылочных статей (если они отдельно вовсе не употребляются): с 226: **-гандыра:** *вуйгандыра* Л...; **-гарка:** *вуйгарка* Г...; **голча:** *вуйголча* Л...; **горка:** *вуйгорка* Л 'череп'. См. *вуйгорка*; **гомдо:** *вуйгомдо* Л...; **гоңгыра:** *вуйгоңгыра* 'череп'. См. *вуйгоңгыра*; **госак:** *вуйгосак*...; **гышкывий:** *вуйгышкывий* — женское головное украшение. См. *вуйгышкывий*. Бояться, что они не будут найдены читателем, нет оснований.

Иногда близким фонетическим вариантам дается отдельное толкование, ср. *бумажьӱтӱл* 'коклюш', *бӱмӱжӱтӱл* то же, в обоих случаях для доказательства татарского происхождения ЭСМЯ I приводит лишь башк. *бумажьӱтӱл, бӱмӱжӱтӱл* без пояснений. У рецензента есть замечания и по фонетической стороне ЭСМЯ I. Так, не приводятся варианты слов горного наречия с *-н-, -нҕ-* (напр., *ӱн, ӱнӱр, ӱнӱр*, на с. 120 *ӱн* 'полотнище' неверно отнесено к луговому и восточному наречиям, а марГ *ӱнг* дано как *ӱн*). Подчас опускается фонетическое доказательство. Например, непонятно, как объясняется этимологическая связь между марГ *ӱнӱр* (*тыл ӱнӱр* 'лава') и чув. *сунтар* 'испектиль'. Или же каким образом марГ *ӱнгыремшӱ*, марЛ и марВ *эңгыремш* (не приведено марВ *эңгере-мше*) связаны с тат. *ӱрмӱкӱч*, уйг. *ӱрмӱкӱч*, чагат. *оргемчи*, чув. *эреммен* (чув. диал. *энкеремш*, по мнению рецензента, маризм). Возможные связи слов недостаточно тщательно исследуются. Автор на с. 138 полагает, что марВ *аргаша* «заимств. из булг. (др.-чув.) яз.: в чув. словарях лексема не отражена». Но в любом чувашском словаре имеется *харкаш* 'ссориться'. На с. 132 *арантес* 'леший' объясняется как татаризм, а на с. 155 его фонетический вариант *арыптыш* уже этимологизируется как собственно марийское образование от несохранившегося глагола **аран-* с суффиксом *-тыш*. Не вызывает доверия этимология слов *ав-ав, ава* II, III (в марийском и мордовских языках древнее слово с высокой частотностью употребления не могло быть вытеснено заимствованием), *авалянаш* (учитывая исторические фонетические изменения в чувашском и горном наречиях марийского языка, это слово может быть и чувашизмом), *ават нӱшмӱ* (вряд ли

калька), *агытан* III (компонент *Агытан* в топонимах скорее происходит от апеллатива *агытан* 'петух', ср. прикам. *Чыве корем*, *Чыве урем* при мар. *чы-ве* 'журица', а единственный случай перехода *Актуган* в *Агытан* можно объяснить и нарочитым искажением). Сомнительно, что *акыр саман*, *акыршаман* — из татарского языка, у прикамских мари наряду с *акырсаман* 'конец света' имеются и татаризмы *заман* 'срочно', *замана* 'година, (наставшие) времена'.

Неверны этимологии слов *арлу* II 'бабка' (не от чув. *урлă*, *орлă* 'поперечный', а от мар. *ар* 'малая' + *лу* 'кость'), *арсыр* 'шаловливый' (не собственно марийское образование, а чувашизм). Слово *аршаш*, *āršāš* 'связка и т. д.' безусловно сопоставляется с фин. *vägi* 'цвет и т. д.', неверны предполагаемые праформы **āršāš*, **āršākiš*, ср. прикам. *арша* то же. При сближении *арыкма* с тат. *яракмы* не учтена возможная связь с *аракма* I. Для слов *ас* марСЗ, *осо* марЛ, марВ ошибочно предполагаемая праформа **аса*. Мар. *ас*, *осо* 'четверть блина' нельзя по семантике сближать с фин. *ase* 'орудие, инструмент; оружие' и вепс. *ase* 'палка, дубина'. Автор не привел марГ *аслен опташ* 'складывать (напр., холст) по определенной длине', прикам. *осылаш* 'делить, крошить на части'. Учитывая переход *a < o* в горном наречии, вполне допустима праформа **оса*, ср. фин., эст. *osa* 'часть'. Липшинское *алиш* 'сказать' к тат. *äläkläj* 'ябедничать' никакого отношения не имеет, это акающий вариант вошедшего *алиш* с идентичным значением.

Сомнительно толкование урбонима *Алабога* от тат. *яллы буга* 'гривастый бык', Елабуга до получения статуса города называлась в документах с. Трехсвятское, «что на Елабуге». Тат. *Алабуга*, от него мар. *Алабога*, *Албога*, вряд ли произошло от имени или прозвища, а скорее представляет собой переосмысленную передачу рус. *Елабуга*, что в свою очередь передает древнее название весьма приметного и очень удобного для строительства укрепления (а потому в свое время широко известного окружающему населению) возвышенного места. Топоним *Аляндур* произошел не от мужского личного имени *Аляй*, а от марВ *алан* 'поляна' + *түр* 'край'. Неправильно объяснение происхождения ойконима *Арбан* от рус. *арвань* 'бродяга

и т. д.', наличие в марийском крае топонимов *Арбанка*, *Арбинь*, *Арбаш* полностью исключает это. В топонимах *Арборка*, *Арбор Ар* — не гидроним, а *-бор* не топоформант, ср. гидроним *Кугуборка*, где *Кугу-* от мар. *кугу* 'большой', *ар-* в словах *арлу* II, *аргек* означает 'малый'. В гидрониме *Арзамакша* вовсе не обязателен компонент *-мокша* (как и в *Мамокша*, *Шемокша*, *Широмокша*), здесь вполне может быть представлен финно-угорский гидроформант *-кша*, однако ошибочно предположение о его присутствии в гидронимах *Какшан*, см. с. 103: *-ан* III. Здесь, по мнению рецензента, основа не *Ка-*, а *Коки(а)*, ср. их русское (северное) соответствие *Кокшага*, а также перенесенный прикамскими мари гидроним *Кокшан вјд* (р. *Кокшанка*). На с. 154 (*арча* II) тат. урбоним *Арча* (г. Арск) Ф. И. Гордеевым объясняется с помощью татарского наименования удмуртов *ар* с суффиксом наречия *-ча*. Но ведь нет топонимов типа *татарча*, *чувашча*, *урысча*, *башкортча*.

Представляется неубедительной реконструкция личного имени *Атлагач* для объяснения ойконима *Атлегач*. Неверна этимологизация топонимов *Ахтиал*, *Ахтиял* от мужского имени *Ахтий* (было ли такое?); д. Ахтиял рядом с д. Татарский Ахтиял (тат. *Ахтиялы*) считалась русской, там же имеется русский поселок Нолинск. Это заставляет предполагать, что топонимы *Ахтиял/Ахтиял* перенесены вместе переселившимися русскими и марийскими крестьянами Яранского уезда, ср. д. Малый и Большой *Ихтиал*, с. *Ихта*, д. *Ахтаиха*, *Эхтенки* (ранее: *Ахтенки*) Кировской области, с. *Актауж* Килемарского района МАССР (где имеются р. *Юж*, *Южовка*).

По мнению рецензента, ненадежны объяснения топонимов *Байса*, *Бурица*, *Буртек*, *Бјрмă*. Трудно обосновать фонетически переход в ойкониме *Быргында* < тат. *бјррĕ* 'волк' + *кăнтăй* 'сука' (что по Ф. И. Гордееву, 'волчица'). Но в татарском языке 'волчица' — *ана бјррĕ*, т. е. букв. 'мать-волк'. Местные мари живут в русском окружении, им неизвестно *кăнтăй*, или *кантай*. В ЭСМЯ I не учтен гидроним *Быргындинка* (мар. *Пыргынде вјд*), а также тат. *Быргынды*, *Быргындыш*. У марийцев в прошлом вряд ли женщины основывали деревни. Примеры, приводимые в ЭСМЯ I, не всегда убедитель-

ны, напр. *Чеганда*. В этом ойкониме якобы скрыто *kāntāy*, но имеется р. *Чегандинка* (мар. *Чога-нде вјд*), в том же регионе — р. *Чекалдинка* (мар. *Сага-лде вјд*), *Чекчемир*, *Чекша*. Непонятно, на каком основании Чеганда считается обрусевшей удмуртской деревней.

По поводу II тома рецензируемого словаря с удовлетворением можно отметить, что число сомнительных этимологий значительно сократилось. Но, к сожалению, толкование некоторых топонимов и здесь не вполне убедительно. Так, ойконим *Варале* никак не может происходить от личного имени — «починок Варалей при рч Варали», как свидетельствуют документы, основан в 1817 году прибывшими «на лес» марийцами из д. Нижняя Иж-Бобья в количестве семи семей. Среди прикамских мари не зафиксированы личные имена *Варалей*, *Варалий*, нет фамилий, напоминающих своей основой *Варале*. Кроме р. *Варали* (мар. *Вара-ле вјд*), в этой местности имеются р. *Варага*, *Варзи*, *Варыж*, основы этих гидронимов связаны с мар. или удм. *вар* 'склон, холм'.

Не антропонимичен и гидроним *Варза*. Объяснение ойконима *Ваштерман* из тат. *баш* 'голова' + *тгъйрмйн* 'мельница' явно натянуто, лучше связывать его с мар. *Вошторма*, *Вошторма Кукмора*. На с. 82 автор возводит компонент *-вез* к апеллативу *вез* 'вода', но наличие рядом с *Извезкорем* оврага *Пез корем* опровергает это предположение. На с. 239 в ойкониме *Изе Карагъл* выделяется компонент *-гъл* < тат. *гъл* 'цветок', при этом не учтены некоторые обстоятельства. Марийцам населенных пунктов, близких к этой исчезнувшей деревне, ойконим известен больше в форме *Кара-гул*, так называют свою деревню марийцы, бывшие жители д. *Каракулы*. Местные мари знают предания о первопоселенцах, среди них был некий *Кара-гул*. Марийское личное имя *Карагул* < тат. *Каракол* 'черный раб; страж', а татарский вариант ойконима *Каракулы* — *Каракъл* — представляется результатом пересмысления.

Этимологизируя гидроним *Вергеза*, автор не учел наличия в том же Килемарском районе р. *Вергиза*, а также марийских вариантов *Върге-зе* и *Въргъза*, *Въргъзу*, не учтена также возможность связи этих гидронимов с мар. *веркис* 'тря-

сина', последнее требует явно иного, чем в ЭСМЯ II, рассмотрения. В объяснении названия р. *Вышкар* вновь игнорируется мар. *Вишкар* (а также топонимы на *-кар*, напр., *Шупашкар*, *Васкар* и т. д.). Непонятным образом широко известный марийцам гидроним *Виче* отсылается к практически неизвестному варианту *Вич*, представляющему собой скорее всего иноязычную искаженную передачу мар. *Виче*. Гидронимы *Виче* неправомерно сближать с перм. *вис-*, *диск-* 'ручей, канава', марийские гидронимы относятся к очень крупным рекам (Вятка, Кама, Белая). На наш взгляд, *Виче* < *Bur'e* < *Bete* < **vete* 'вода'. Ошибочно утверждение, что топоним *Возжай* имеет основу *Воз-* и формант *-жа*. Официальное, т. е. рус. *Возжай*, *Возжайка* — результат искаженной передачи мар. *Вожай* < удм. *Вожой*. В Удмуртии встречается несколько гидронимов *Вожой*.

Иногда в ЭСМЯ II компонент *-марий* в топонимах безосновательно объясняется словом *мар* 'курган, холмик'. Можно, конечно, спорить, имелось ли в марийском языке это слово. Но в ойконимах *-марий* всегда указывает на географическое расположение местных марийцев. Странно, почему название *дююныш*, *ююныш* 'красноуфимские мари' объясняется формой направительного падежа от топонима *Ўнб*, ср. Глпш. *цикмӓ-нӓш* 'горные мари' от урбонима *Цикмӓ* '(г.) Козьмодемьянск' (ср. еще *кугыжаньш* при *кугыжа*, марГ *кугижаньш* 'царство' при *кугыжа* 'царь'). Необходима большая осторожность при сравнении марийских слов со словами из других языков и диалектов, географически значительно удаленных от марийской этнической территории. В ЭСМЯ II ойконим *Пайгусово* сближается с псков. *пайгус* 'воронкообразный вход в бочке ризца', от которого производится имя основателя поселения *Пайгус*. Но если на этой же с. 245 отантропонимый топоним *Пигуска* (см. *-гус* I) возводится к татарскому источнику: *бий* 'князь' + *хужья* 'хозяин', то почему *Пайгус* (в статье *-гус* II) не может быть от тат. *бай* 'богатый' + *хужья*?

На с. 50 этимологизируется слово *муноварчык* (не 'яичница', а 'омлет из яиц и молока'), оно дается в статье *варчык* — здесь Ф. И. Гордеев не учитывает отсутствия глагола *вараиш* 'размешивать' в прикамских говорах. *Муноварчык* состоит из

муно 'яйцо; яичный' и *оварчык*, имеющего в разных диалектах разные значения: 'хлеб, запеченный в сковороде', 'сыр из молозива', 'закваска'. У кукморских мари слово *муноварчык* соответствует *чымыне оварчык* с тем же значением, где *чымыне* 'яйцо, яичный'.

Безосновательно объяснение слова *тылвеста* (с. 94) как заимствования из татарского и русского языков, это татаризм.

Вызывает возражения толкование автором некоторых звуковых явлений в марийском языке. Слово *вјрпунчык* 'весь в крови' на с. 198 фонетически вполне сопоставимо с *вјрвузык* то же, на звукосоответствие *з/ч* — *вич/визыт* 'пять', *з/нч* — *пјзјаш/пјзнаш* 'зубрить, делать зазубрины', поэтому не было необходимости брать для объяснения *пунчык* 'солонка, дупло'. По Ф. И. Гордееву, в марийском языке *п < в*, см. на с. 170 *пурго < вурго*, на с. 208 *пылнаш < вылнаш* и т. д. Такой звукопереход для марийского языка не характерен. Ошибочно предполагая, что в марийских словах невозможен сдвиг гласных по ряду, автор на с. 192 сближает компонент *-лэндь* в *мүлэндь*, *мылэндь* 'земля' с фин. *länsi* 'запад'. На с. 220 он считает более древней формой *junga*, а не *juga*, но в данном случае это не так, ср. елаб. *ме-нҥыз* 'фундамент' при марЛ *не-гыз*, тат. *нигыз*, чув. *никёс* то же, мар. *йҥгё* 'филин' < *й-гү* — подражание крику филина (*йҥгё* вовсе не чувашизм, как считает автор на с. 189 — см. *вјдјҥгё*). По мнению рецензента, многие имитативы, междометия, образные слова в ЭСМЯ I и II без достаточной обоснованности отнесены в разряд заимствований, напр., *вырт*, *вырт-варт*, *вырт-ворт*, *вырт-вурт*, *выж-вож*, *выж-вуж*, *вить-вить*, *го-го-го*, *гер-гер*, *гож-гож*. Весьма неубедительна этимология орнитонима *вырляҥге*, *вёр-ләнге*, *вёртләнгы*, *вирляҥге* 'трясогузка' (с. 111). Название этой очень прыткой птицы реальнее связывать не с комиЗ *быредь* 'наледь', а с мар. *выр-вур*, *вырт-вурт* — образные слова о быстрых, отрывистых, неуловимых движениях. Ведь орнитоним *вырляҥге* не является общемарийским словом: во многих говорах он неизвестен.

Для слова *ганатлаш* 'умножать' вос-

становливается на «булгарском уровне» праформа **kānāt*. Проникать так далеко вглубь истории в данном случае не было необходимости. В слове *ганатлаш* -т- является вставным звуком (ср. *аллотлаш* 'говорить алло' от межд. *алло* — см. ЭСМЯ, т. I, с. 88). В прикамских говорах имеется еще более распространенный вариант *ганалаш* то же; это глагол от существительного *гана* 'таблица умножения' с суффиксом *-лаш*. Слово *гана* 'таблица умножения' появилось в речи школьников как результат семантического раздвоения послелога *гана* '(сколько-то) раз' всего несколько десятилетий назад.

В ЭСМЯ I и II очень часто слово указывается как татаризм, но для подтверждения приводятся примеры из других тюркских языков. Не исключены заимствования из башкирского языка. Восточные мари вполне могли контактировать с башкирами, ныне считающими себя татарами. Но марийские лингвисты, изучающие языковые контакты, почему-то полагают, что в марийском языке башкиризм нет. Автору ЭСМЯ, прямо ставящему знак равенства между булгарским и древнечувашиским языками, все же нужно доказать, что это один и тот же язык. А без этого, по мнению рецензента, следует как-то пытаться разграничивать чувашизмы и булгаризмы (хотя это и не всегда возможно).

Не будет излишней и большая осторожность в отношении калькирования из других языков. Бездоказательны утверждения, что слова и выражения *вјдпурыс* 'горец перечный', *вјд покшел мланде* 'остров', *вјржвоч* 'шилохвостка', *вјржнер* 'шилоклюв', *вјршудо* 'зверобой' представляют собой русские кальки. Следовало обратить внимание и на то, что *вёртёмь* I, II 'бесчувственный' (с. 213) не может не быть калькой, ср. тат. *кансыз* 'жестокий' (букв. 'бескровный', как и марГ *вёртёмь*), башк. *канһыз* то же. По своей семантике *вёртёмь* в большинстве марийских диалектов не имеет аналогий.

В заключение необходимо отметить, что большинство этимологий Ф. И. Гордеева заслуживает внимания. Несмотря на погрешности, ЭСМЯ — крупный шаг вперед в изучении истории формирования ма-

рийской лексики. Благодаря первым двум томам словаря марийская лингвистика получила объяснение множества слов. Кроме того, что не менее ценно, введен в научный оборот громадный фактический материал, кропотливо собранный автором ЭСМЯ в фондах различных архивов, от множества носителей самых различных марийских говоров в течение многих лет.

Труд Ф. И. Гордеева заслуживает всеобщего признания. Словарь этот важен не только для марийского, но и всего финно-угорского языкознания. А значительное повышение научного уровня во втором томе по сравнению с первым позволяет надеяться, что такая тенденция найдет продолжение и в следующих томах этимологического словаря марийского языка.

ВАЛЕРИЙ ВЕРШИНИН (Йошкар-Ола)

Hungarológiai Értesítő. A Nemzetközi Magyar Filológiai Társaság Folyóirata 1983. V. évfolyam 1—2. szám. 345 S.

Das Jahrbuch der Internationalen Gesellschaft der Ungarischen Philologie erscheint seit 1979 und dient der Verwirklichung der Ziele der Gesellschaft: Verbreitung wichtiger wissenschaftlicher Information für in verschiedenen Ländern tätige Hungarologen und damit Förderung der Forschungsarbeit auf dem Gebiet der Hungarologie.

Hungarológiai Értesítő (HE) besteht aus drei Hauptteilen: Bibliographien, Referate, Chronik. In der Bibliographie sind alle im Laufe eines Jahres in verschiedenen Ländern publizierten Abhandlungen, Artikel, Sammelbände, Monographien, die Fragen der ungarischen Sprache, Literatur, Ethnographie (darin eingeschlossen Folklore und Volksmusik) behandeln, erfaßt. Das umfassende Sammeln eines solchen breiten Materials, dessen Wert man nicht hoch genug einschätzen kann, ist natürlich kompliziert. Kulturgeschichtlich gesehen läßt sich aufgrund dieses Materials das Forschungs-niveau, die Thematik und die Intensivität der ungarischen Nationalwissenschaften einschätzen, es gibt Forschern verschiedener Gebiete nicht nur zu ihrem Bereich wertvolle Information, sondern erleichtert auch das Auffinden notwendiger Literatur aus Nachbarwissenschaften. Denn normalerweise beschränken sich Bibliographien nur auf ein Fachgebiet und Forscher angrenzender Bereiche werden über das entsprechende Fachgebiet der Nachbarwissenschaft recht zufällig und lückenhaft informiert. Dabei nimmt die Zahl der Fragen, die ein Herangehen von verschiedenen Seiten erfordern, ständig zu. Folglich ist

die die ungarischen Nationalwissenschaften vereinigende Bibliographie eine begrüßenswerte Initiative, die es wert ist, Vorbild für das Zusammenstellen und Verbreiten wissenschaftlicher Information zu sein.

Auch der referative Teil des Jahrbuches stellt eine große Erleichterung für Forschungsarbeiten dar. Wenn gewöhnlich nur wenige Arbeiten von der insgesamt publizierten wissenschaftlichen Literatur rezensiert werden, dann ist HE bestrebt, den Benutzer mit allen im Laufe des Jahres zu den drei genannten Fachgebieten erschienenen Büchern bekanntzumachen. In den ersten vier Jahrgängen der Bibliographie wurden fast 1300 (917 einheimische und 356 ausländische) Ausgaben besprochen.

Der dritte Hauptteil — die Chronik informiert über alle wichtigen Ereignisse. Dazu gehört, daß Überblicke zur Tätigkeit der Internationalen Gesellschaft der Ungarischen Philologie gegeben werden, der Leser über die Arbeit der Forschungszentren, Institute, Lehrstühle für Hungarologie an den Hochschulen auf dem Laufenden gehalten und über an verschiedenen Orten durchgeführte wissenschaftliche Symposien, Beratungen und Konferenzen berichtet wird.

Diese Grundstruktur wurde bisher bei den Ausgaben zu allen Jahrgängen beibehalten. Veränderungen und Schwankungen gab es im Aufbau und in der Form einzelner Abschnitte. Jetzt — im fünften Jahr von HE — ist nach Ansicht der Zusammensteller die Zeit des Suchens und Experimentierens vorbei und die Aus-